

A detailed stone relief carving of a winged goddess, likely Hathor, shown in profile. She has large, fan-like wings and is holding a long staff or scepter. Above her head are three lotus flowers and two small figures. The background is a textured stone surface.

12+

Ирина Ярич

Виноградная лоза

Ирина Ярич

Виноградная лоза

«Автор»

2018

Ярич И.

Виноградная лоза / И. Ярич — «Автор», 2018

Древняя Мидия. Древняя Персия. VI век до нашей эры... Хотя в то время эти страны назывались несколько иначе. Правитель увидел вещие сны и дабы не исполнилось пророчество толкователей предпринял действия, которые впоследствии отразились не только на его судьбе, но и на судьбах многих тысяч других людей, охватив окрестные государства. После чего начался новый период истории стран Передней Азии. Но до этого внук правителя великой державы стал... сыном пастуха Курушем, потом в силу обстоятельств тем, кого история знает под именем Кира Великого.

© Ярич И., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Книга первая. Иштувегу	6
Глава первая. Пророческие сны	6
I	6
II	7
III	8
IV	10
Глава вторая. Поиск жениха	11
I	11
II	12
III	12
Глава третья. Угроза осталась	15
I	15
II	15
III	16
IV	17
V	17
Глава четвёртая. Сын пастуха	20
I	20
II	20
III	21
IV	22
V	23
VI	23
VII	24
VIII	24
IX	26
X	28
XI	28
Глава пятая. Первая любовь	30
I	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ирина Ярич

Виноградная лоза

Виноградная лоза

роман-версия

«Предопределенного Роком не может избежать даже бог...»

из ответа Пифии, Древняя Греция

«...необходимо отказаться от несуществующей свободы и признать неощущаемую нами зависимость»

Л. Н. Толстой. «Война и мир»

Книга первая. Иштувегу

Глава первая. Пророческие сны

I

Покои молодой любимой жены шаха заполнены встревоженными служанками. Старясь не шуметь, они, скользят в мягких кожаных туфлях по гладким плитам мраморного пола. Тихий шорох их длинных платьев висит в воздухе, где витает аромат имбиря и гвоздики. На просторном ложе на пурпурных льняных покрывалах лежит жена шаха, нервно сжимая ткань изящными пальчиками. Усердные служанки суетятся возле неё: одна – мягкой тряпицей вытирает с лица пот, другая – мерно машет опахалом, третья – прикрывает тонким шерстяным ковром оконный проём, ведущее в сад, чтобы солнце не слепило глаза госпоже, четвёртая – принесла свежей воды в серебряном сосуде, пятая – рассказывает утешительные истории, старясь развлечь роженицу. Ещё несколько служанок ждут приказаний своей повелительницы и старшей над прислугой, чтобы в любой момент исполнить их. За дверью дежурят лекарь и астролог, также готовые, если понадобится, прийти на помощь. Кроме них, следят за состоянием здоровья три женщины, довольно опытные, которые уже много раз помогали потомкам знатных родов появиться на свет. Но вся эта свита, как ни старается, не может облегчить страдания женщине, изнемогающей от боли, которая периодически накатывает и пугает, лишает сил молодую роженицу. Страх сменяется апатией. Её сейчас ничто не интересует, лишь бы закончилась эта изнурительная пытка, и уже не хватает сил кричать.

И всё же Ариеннис верит, что ей помогут, ведь вокруг столько знающих людей! Они знают, что надо делать. Её жалеют, она видит по их сочувствующим лицам. Когда боль отступает, она пытается улыбаться, но не всегда удаётся и тогда набегают гримасы, искажающие красивые черты, вызванная очередным приступом схваток.

Из соседней комнаты вглубь покоев отнесли кроватку и игрушки маленькой Аметиды, чтобы её не испугали крики матери. Девчушка частенько подбегает к окну, отодвигает ковёр, закрывающий его, подбирает подол длинного платья из тонкой шерстяной материи и карабкается на табуретку, вглядывается в небо. Ей хочется увидеть, когда прилетит аист. Служанки сказали, что сегодня он может влететь в окно комнаты, где лежит больная мама. В лапах аист принесёт братика или младшую сестричку, и тогда мама перестанет болеть.

Служанки молят Анахиту¹ послать Ариеннис быстрые и успешные роды, ведь та уже вторые сутки не может родить, а только мучается. Им до слёз её жалко. Но не только о своей госпоже пекутся её верные слуги, они до смерти боятся, как бы чего-нибудь худого не приключилось с роженицей или младенцем: крутой нрав шаха быстро найдёт виноватых, и расправа может быть жестокой.

Неизвестно как пройдут роды. Неизвестно, когда они состоятся. Неизвестно, кто родится. Неизвестно сколько ждать. Все подвластны и беспомощны перед неизвестностью и ожиданием – бичами любого, независимо от положения в обществе, будь то пахарь или благородный, пастух или шах.

Хмурый Иштувегу² ходит по приёмному залу вперёд и назад, невнимательно слушает доклады из подвластных ему земель. От него уходит смысл их донесений, и шах Манды ещё

¹ Анахита – богиня воды и плодородия

² Астиаг (так называли греки) – царь Манды, в привычном звучании, унаследованном от древних греков, Мидии в

больше раздражается. Любимая жена всё ещё не родила, и он не может подавить своего волнения за неё и дитя, которое, по словам лекарей, уже должно было появиться на свет. Иштувегу пытается отвлечься, уйти в решение государственных дел. Обычно интересы державы отгоняли хандру, но в данном случае не помогали.

Сановники с трепетом следят за развивающейся пурпурной одеждой, которая без устали двигается из конца в конец зала, и едва смеют взглянуть в серые суровые глаза повелителя.

Иштувегу пытается вникнуть в суть излагаемых дел, но их содержание доходит до него, как сквозь вязкий туман, тем не менее, он старается, помня о том, что рабы не должны видеть и замечать на лице владыки ни страха, ни волнения. Но опытных сановников не проведёшь: они тоже знают, если господин хочет что-нибудь скрыть от своих подданных, пусть считает, что ему это удалось.

«Уж чересчур нежные эти лидийцы, была бы жена арийкой, давно бы родила, – думал Иштувегу. – И всё же я благодарен богам, что досталась мне в жёны дочь Алиатта³, такая ласковая и рассудительная, так хорошо понимающая, что нужно мужу от жены. Да благословит Ахура Мазда⁴ плоды её чрева!»

По дворцу разнеслась радостная весть: любимая жена шаха разрешилась от бремени, у шаха – дочь!.. Опять дочь!

II

На свежих покрывалах после омовения лежит Ариеннис. Служанка вытирает неокрашенным льняным покрывалом её мокрые светло-русые волосы. Ариеннис чувствует себя обессиленной, почти опустошённой, и в то же время её наполняет сладостное довольство. Она ощущает нежную непреодолимую тягу к малютке. Она, чувствует, что словно невидимыми нитями привязана к новорожденной. Ей это приятно и знакомо, так уже было после родов Аметиды. Неизъяснимым блаженством наполняется всё её естество, когда она прижимает к себе крохотное создание.

Шах доволен, Ариеннис и малютка живы, и как говорят лекари, скоро окрепнут. Но всё же Иштувегу чувствовал бы себя счастливее, если бы родился сын. «Вот посчастливилось Крезу⁵: у него растёт наследник... Когда же у меня появится достойный преемник, которому я в последствии передам трон предков?»

По окончании церемонии жертвоприношений и наречения имени – Мандана, в честь державы, мол, маленькая Манда, дочь Иштувегу, была занесена в родовой список. После пира, устроенного в честь новорождённой, разгорячённый и довольный шах вышел на галерею дворца, которая тянулась, почти опоясывая здание. Из галереи вели проходы в башни, они так же как и башни стен, окружающих дворец, давали хороший обзор через окна на каждом этаже. Из каждой башни на землю вёл спуск, а в стенах проход к следующей. Иштувегу подошёл к окну.

Лучи заходящего солнца золотят округу. Тёплый ветерок с далёкого моря, перелетев невысокие горы, перебирает листву, покачивает травинки, путает волосы. С высоты дворца открывается большой простор. Снизу торчат каменные зубья стен в семь рядов, перемежаясь прямоугольниками крыш башен. Словно террасы, стены опускаются ниже и ниже. Тому, кто стоит у подножия первой, покрашенной в чёрный цвет, никоим образом не перепрыгнуть. За чёрными зубцами поднимаются белые, за ними пурпурные, затем торчат голубые, после них

585-550(549) гг. до н. э.

³ Алиатт – царь Лидии в 617 – 560 гг. до н.э.

⁴ Ахура Мазда – олицетворение доброго начала: ahura – «(благой) владыка», позже – «(благой) дух», mazdā – «премудрый».

⁵ Крез – брат Ариеннис, царь Лидии в 595-546 гг. до н. э.

выглядывают красные, над ними сверкают днём и ночью серебристые, но над всеми предыдущими возвышаются и блистают золотые. Днём издалека и снизу казалось, что цитадель сковали семь корон, вставленные друг в друга. Ночью чёрная стена становится незаметной, и создаётся впечатление, будто в воздухе парят клыки и зубы дракона – зубья белой стены, а над ними порой устрашающие, порой незаметные, красноватые и голубоватые. И вдруг высоко в тёмном небе сверкают серебряные, искрятся золотистые. А над ними лучится крыша, покрытая листами из серебра и золота.

Солнце уже скрылось за сизые горы, розовато-оранжевые облака постепенно превращаются в серо-синие. На темнеющем небе уже виднеются пока ещё белёсые точки, с каждой секундой они наливаются светом. На земле, будто отражение, в многочисленных окнах домов, разбросанных по долине, также появляются огоньки.

Иштувегу снял длинные одежды, ниспадавшие многочисленными складками, положил правую руку на рукоять акинака⁶, который свисает с пояса его штанов, расшитых серебряными нитями. Шах обзирает округу. Всё, что отсюда видно и не видно глазу, всюду простирается его власть. Долгий путь в нескончаемой череде десятилетий, а до того, не менее семи столетий, прошли в борьбе, пока не восторжествовали арии⁷, пока не утвердилось их владычество. И уже более века они – хозяева над племенами и странами Азии⁸. Иштувегу вздыхает с удовлетворением и отправляется в опочивальню.

III

Малышку Мандану служанка принесла матери в большой зал, где она расположилась рядом с тронном, на котором восседает Иштувегу. Вокруг скопилось полно людей, родственники пришли полюбоваться на младшую дочь шаха. Только служанка положила ребёнка на приготовленную лежанку, как малютка обмочила нежное покрывало. На помощь пришла другая служанка, она держала запасное. Оно вскоре тоже намокло. Служанки помчались за тканями и мисками, потому что с лежанки потекла струйка. Примчались и другие слуги, стали убирать, вытирать, собирать в миски и тазы.

Ариеннис взяла на руки малышку, та глазела непонимающим взором и продолжала писать. Шах поднялся с трона и с тревогой смотрел на дочь. Моча, желтоватым ручейком вытекала из-под Манданы и не останавливалась. Наоборот, ребёнок напрягся, и полилось ещё больше. Из залы уже вытекали, побежали ручьи по коридорам к выходу из дворца. Поток, несмотря на усилия всех, кто был рядом, устремился за двери. Жидкость текла к воротам в золотой стене. Стража в недоумении отступила, освобождая пространство. Уже потоком несётся дальше, к серебряной стене. Стража отпрянула, а моча сквозь щели под воротами устремилась к стене пурпурной. Открывать ворота приказа не было, но жидкость нашла лазейки и, обтекая стражу, понеслась к стене голубой. И ручьями просочилась под воротами. Стража у красной стены с удивлением смотрит, как течёт и подбирается к их ногам желтоватая жидкость. Она всё текла и текла; ворота в белой стене не стали для неё преградой. Щелочка всегда найдётся, и стражники у чёрной стены смотрят с любопытством ведь сколько надо накопить мочи во дворце, чтобы столько вылилось!

Минуя ворота в чёрной стене, побежали ручьи в разные стороны. Иштувегу из зала в недоумении вышел на галерею и увидел, что жидкость, исторгнутая из чрева его дочери, разливается по улицам его любимого города, заполнила всю Хагматану⁹ и течёт дальше по уще-

⁶ Холодное оружие, нечто между кинжалом и мечом.

⁷ Самоназвание мидийцев. В священном писании мидян написано о «Стране ариев». Считается, что слово арий означает благородный, знатный.

⁸ Имеется в виду Малая Азия, Армянское нагорье, Закавказье, Междуречье.

⁹ «Место собрания» по-мидийски, Экбатана (так город называли древние греки), столица Мидийской державы. На элам-

льям и низинкам, между гор и пастбищ, на плоскогорье, затопляя всё вокруг. Растеклась по земле Манды... Потекла в сторону Анчана, древней столицы северного Элама, ныне одного из главных городов потомков Хахаманиша¹⁰. Заполнила уже всю землю парсов, просочилась меж гор Загроса и потекла через земли бывшей ассирийской державы в сторону Вавилона, заполнила землю между реками Тигр и Евфрат и повернула в сторону Лидии, а через неё даже подступила к побережью и побежала по улицам греческих городов... Мандана залила всю обзреваемую и не обзреваемую землю Азии...

Иштувегу проснулся в поту и с учащённым дыханием. Отдышавшись, сел на постели, осмотрел свои покои – всё сухо. Встал, подошёл к окну. Всё как прежде. С облегчением вздохнул. Станный сон... Нет, быть может, высшие божества что-то предрекают. Не нависла ли какая-то неведомая угроза над его дочерью?

Пришла мысль, что надо позвать атраван¹¹. Иштувегу распорядился, чтобы пришли толкователи снов.

Четверо мужчин спешат. На утопанных улицах города ноги в высоких кожаных туфлях почти не издают шума. От быстрой ходьбы складчатые одежды, короткие плащи и длинные накидки развеваются, словно стяги. Несмотря на быструю ходьбу их лица бледны, лишь под носом, будто крылья тёмных бабочек – густые усы. Капюшоны, словно шлемы, покрывают не только голову, но и закрывают шею, длинным хвостом свисают с затылка. Встречные остановятся, уступая им дорогу. По капюшонам и повязкам, спущенным на бритые подбородки, узнают магов-атраван – жрецов Ахура Мазды, вероучения, которому поклоняются местные жители. Повязки всегда прикрывают дыхание жрецов во время жертвоприношений, чтобы не осквернить священный огонь.

Задумчивые жрецы прошли в ворота цитадели мимо стражников. Поднялись по ступеням дворца. Не только всю дорогу, но и раньше высчитали и предчувствовали, что произойдёт нечто важное и повлечёт изменения в судьбах многих. Эти изменения произойдут не в ближайшее время, пройдёт ещё много лет. Ощущали, что повлиять каким-то образом они не в силах, потому что это воля Благого Духа – Ахура Мазды. Ещё они ощущали тревогу, но пока полностью не понимали какова её природа, тем не менее, предчувствовали в грядущем борьбу и свою обречённость.

Иштувегу поведал им сон во всех подробностях, какие запомнил. Маги поняли, в чём дело, но как сказать, чтобы самим не пострадать? Переглянулись, словно между ними состоялся безмолвный разговор.

Верховный жрец атраван, который являлся и главой племени магов подтвердил опасения шаха:

- Наш повелитель, ты прав, опасность есть. Но дочери твоей ничего не угрожает.
- Как же так? Кому тогда сон предрекает опасность?
- Тебе, повелитель.
- Мне?! Но, кто может быть опасен, ведь снилась моя семья и младшая дочь...
- Опасность для тебя исходит из чрева твоей дочери.
- Как это возможно? Поразит её хворь, а потом и весь наш род?
- Нет, не в болезни дело. Власть над народами уйдёт от тебя к другому через её чрево.

ском языке Hal.mata.na

¹⁰ Династия шахов Парсы (Древней Персии), родоначальником которой считается Хахаманиш, больше известный по имени, данным греками: Ахеман, вождь союза племён парсов (VII век до нашей эры). Персия – латинизированное название исторической области Фарс, «Парсуаш» (древнегреч. «Персида») в южном Иране, ныне Фарс на берегу Персидского залива. В этой местности жили племена, создавшие империю Ахеменидов. Парс переименован в Фарс после арабского завоевания, так как в арабском языке нет буквы П. Поэтому язык жителей потом назвали фарси.

¹¹ «хранители огня» – название жрецов в племени магов. Жрецы, последователи учения Заратуштры, всегда были его соплеменники, из племени магов. Название племени со временем перешло на род деятельности

- Но наш род будет править?
- Если сбудется пророчество, то нет.
- Когда же ожидать такой напасти?
- Пройдёт ещё много лет, когда дочь твоя, повелитель, станет матерью.

IV

Немало времени шах провёл в раздумьях. Как ему поступить? Если родятся ещё дети, не начнут ли потом междоусобную войну, в которой сгинет их род? Или если родится сын, наследник его трона, не затеет ли войну с потомками Манданы? И в этой борьбе может угаснуть их род. Родится ли у него мальчик? А если родится, то доживёт ли до возмужания, ведь нередко дети умирают прежде своих родителей. Как сохранить правящим свой род? Как сохранить власть над столькими народами? Как продолжить достойно то, что возвысило ариев над соседними племенами? Как удержать власть, переданную славными предками?

Грустные думы не дали решения. Чтобы развеяться и отвлечься, вечером молодой шах направился в покои жены.

После нежных и страстных ласк, Ариеннис спросила у мужа:

– Видела: из левого коридора проходили маги. Повелитель, что им понадобилось во дворце?

– По моему зову приходили, – Иштувегу лежал в сладкой неге.

Потом привстал и поведал жене свой сон и толкование его жрецами. Ариеннис испугалась за малышку, стараясь никоим образом не выказать беспокойство.

– Повелитель, ведь наша дочь ещё так мала, что не стоит терзаться, – ласкала Ариеннис мужа, а её учащённое дыхание шах истолковал по-своему.

– Любимая, ты говоришь то, о чём и я думал, – шах любовался чётко очерченным профилем жены, любовался её глазами, всегда разного и трудно определяемого оттенка. Сказать, что они зелёные нельзя, не трава ведь и не листва, но какая-то зеленоватость определённо была. Цвет её глаз нельзя назвать ни серым, ни голубым и, тем более, уж не карим. Они то светлели, то темнели, то желтели, то зеленели в зависимости от освещения и времени суток, а также её настроения. Даже сейчас за эти часы близости несколько раз изменялись их оттенки. «С чего бы это?» – думал шах, желая ещё и ещё любить Ариеннис.

– С замужеством дочери торопиться не будем, ведь так, мой повелитель. По крайней мере, лет пятнадцать можно об этом и не думать. За этот срок подрастут мальчики и отроки, достойные руки Манданы. Тогда ты сможешь выбрать того, кто будет наиболее подходящим мужем.

– Твои уста произносят мои мысли, – Иштувегу обнял и поцеловал жену. Желание её любить захватило...

Ариеннис старалась лаской и нежностью увлечь шаха в страну наслаждений, которая происходит между любящими друг друга мужчиной и женщиной. И эти мгновения единения, уносят их от земных невзгод и огорчений. Ариеннис уже знала, что потом шах будет добр и спокоен до тех пор, пока дела державы не потребуют от него суровости и непреклонности. Юная Ариеннис целовала Иштувегу, но мысль, о том, что судьба их младшей дочери может каким-либо образом стать угрозой родному отцу, а, следовательно, и всему его роду, возможно, и всей державе, а, значит и всем, лишило её покоя навсегда.

Глава вторая. Поиск жениха

I

«...и не было пощады никому! Стены каменные городов и стены глиняные крепостей рушились под ударами камнемётов. Без удержу летели глыбы с вражеских высоких метательных орудий.

Жестокий и жадный шах гнал своё войско дальше и дальше то тропам людским и звериным через муравчатые долины, по лесистым предгорьям, через реки малые и реки глубокие, озёра топкие, озёра прозрачные: воды холодные, воды солёные, воды родниковые, через долины широкие и перевалы узкие. Жители, что первыми завидели злодеев дали знать о том родичам и соседям: зажгли костры сигнальные, опасность, предвещающие на вершине ближней горы и сами, погоняя скот, схоронились на крутых отрогах. Увидели соседи огонь, другие дым от костров – сигнал опасности смертельной. Кто успел, тот спасся. Кто-то понадеялся на стены прочные и непреодолимые. Враг искусный, враг хитрый умел то, чем другие не владели. Толстые глиняные стены трескались и рассыпались, надёжная каменная кладка рушилась, не выдерживая напор и удары вражеских орудий. Осаждающие рыли подкопы под стены и ударили в спины защитникам; насыпали валы, чтобы добраться до края стен и забраться на них.

Лютые воины злобного шаха жалости не знали. Всадники рубили всех без разбора. Лучники стрелы смертоносные, обмотанные тряпицами, смачивали в земляном масле¹², поджигали их и целились в окна, крыши, в перекрытия, двери и лестницы. От огненных стрел не спасали ни кожаный щит, ни дерево, ни постройка. Огонь перекидывался, поглощал, растекался. В сгорающие ворота врвался враг, и злодеяниям не было конца.

Тех, кто мог сопротивляться рубили, кто не мог тоже приканчивали. Отбирали здоровых – рабы всегда нужны в хозяйстве, и поживиться от продажи. Маленькие дети – для них обуза, не нужны – в огонь! Воины, порождение злобных дэвов, отнимали малышей, вырывали из рук у неутешных отцов, у стенающих матерей и швыряли, словно поленицы в горящие жилища!

Ни детский плач, ни вопли родителей не останавливали извергов. Протянутые в мольбе руки и не просыхающие слёзы разлучённых мелькали и исчезали в пламени и прахе земном.

Через много селений и городов, много земель и племён прошли злодеи. Угнали к себе на родину тьму тьмущую скота, лошадей и рабов. Сотни мулов везли мешки с золотыми, серебряными и бронзовыми поделками, украшениями и оружием; мешки с сине-белым лазуритом, оберегающим от напастей; мешки с зерном и сосуды с вином, мешки с чужим добром.

Те, что выжили в горных расщелинах и на крутых вершинах спустились, а вокруг догорают их дома, кругом разор, всё ограблено и порушено. Среди развалин лежат убитые и покалеченные родичи близкие и дальние, соседи. И поднялся плач великий по разорённой земле, по сгнувшейся родне...»

Ариеннис вышивала золотой нитью одеяние для Манданы, она в который раз слушала Замуашу – помощницу, в который раз смахивала выступавшие слезинки. Верная раба имеет дар сказительницы и знает много историй разных народов. Во время рукоделия повелительницы она услаждает её слух. Каких только сказаний не слышала Ариеннис: о стародавних временах, о жизни других племён: кутиев, лулумеев, касситов, эламитов, мехран, хурритов, урартов, маниев. Слышала и песнопения древних аризантов и вообще ариев. Всех тех, кто десятки и сотни лет назад жил на землях, теперь подвластных державе её мужа. А ныне Замуаша поведала об одном из походов ассирийского правителя, что жил почти два века тому назад.

¹² Нефть

II

Ариеннис жила с опаской, беспокойство за жизнь Манданы сопровождало во всех её делах и думах. Ариеннис старалась никоим образом не навлечь гнев и даже малейшее неудовольствие со стороны супруга и владыки окрестных земель. Она знала, что неугодное дитя, а тем более девочка, которая не будет в дальнейшем умелым воином и достойным наследником трона, может быть умерщвлена без сожаления любым способом. И никто не станет считаться с физическими муками ребёнка и душевными страданиями матери. Никто не станет их жалеть. Каждый озабочен собственной участью и пытается обезопасить свою жизнь и, если удастся, то и домочадцев.

Иштувегу в молитвах не раз благодарил Ахура Мазду за то, что божественная воля дала ему такую понимающую жену. Предупредительная и внимательная Ариеннис постепенно стала, если не опорой, то основательной и приятной подпоркой. После посещения покоев супруги Иштувегу, будто наполнялся уверенностью и покоем, умиротворением и отвагой. На следующий день принимал решения уже без колебаний, и его походы были удачными: приносили много ценной дани и рабов. Владения процветали, несмотря на соседние государства, не питающие доброжелательности, напротив, правители искали поводов и провоцировали конфликты, чтобы хоть каким-то образом ослабить Манду.

Удача сопровождала Иштувегу и от обширных государств, некогда властвовавших над округой, умман-манда – армия Манды захватывала территории, присоединяла земли к своей державе. Недавние властители становились данниками и вынуждены покоряться тем, кого когда-то покоряли сами.

В это время Ариеннис вела тайную борьбу за жизнь Манданы. Конечно, она не собиралась уничтожить потенциальных врагов своего единственного ребёнка. К сожалению, последующие беременности не дали желаемого Иштувегу наследника. Две девочки и два мальчика умерли в младенчестве, не дожив до года. Шах огорчился, но не роптал и не хулил верховного бога, понимая, что удача не может сопутствовать во всём. Главное он сильнее соседних царей, которые его деду навязывали свою волю. Теперь же они трепещут перед его армией. И ныне нет в Азии державы сильнее Манды.

Ариеннис старалась быть дружелюбной и ласковой со многими, кто мог иметь хоть какое-то отношение к Мандане, включая слуг и рабов. Женщина понимала, что одной ей будет трудно, поэтому всеми возможными средствами заплучала сторонников и сочувствующих дочери. Ни в коей мере не затевала склок и никогда ни к кому не придиралась, так как знала – это наивернейший способ множить явных и скрытых врагов. Последние опаснее первых во много раз. При случае слуг и рабов одаривала тканями, бывшими своими нарядами, мелкими, но многозначными для неимущего люда подарками. И со временем Ариеннис обзавелась немалым количеством «ушей и глаз», которые следили и передавали ей сведения, касающиеся настроения супруга, доводили до неё услышанные слова шаха по отношению к дочери. То есть Ариеннис была в курсе всего, что происходило на половине её супруга, что делалось в крепости, в городе и даже во время походов, если в них принимал участие Иштувегу. Таким образом, контролировала ситуацию и могла обезопасить существование горячо любимой дочери.

III

Выбор жениха – дело непростое.

Шах подыскивал для старшей дочери подходящую партию основательно. Стараясь себя обезопасить решил не выдавать за отпрысков царских родов соседних стран, хотя это было бы лестно, но и опасно. Иштувегу посчитал вполне подходящим послушного, но не робкого

юношу из рода самого пророка Заратуштры. И юная Аметида, старшая дочь Иштувегу и Ариеннис, недавно стала женой Спитама. Перебралась из женской половины цитадели столицы в шикарный дом мужа, хотя, конечно же, и значительно уступающий по размерам и роскоши дворцу правителя.

Настала пора, когда Мандана из девочки превращалась в девушку. «Телом крепкая в отца, а характер мой», как-то, вздыхая, подумала Ариеннис. И чего в этом вздохе было больше удовольствия или сожаления и сама бы вряд ли смогла ответить. Но надо думать об избраннике. Иштувегу льстило бы, если б дочь взял замуж сын правителя какого-нибудь ещё значительного государства, например Египта или Вавилона, но Иштувегу помнил пророческий сон и его толкование, поэтому опасался усиления этих государств, не хотел, чтобы Манда снова стала данником, потеряв независимость. Вдруг какое-нибудь из этих или других государств станет сильнейшим, потом станет навязывать свою волю. Нападать, отнимать земли и людей. И придётся не присоединять владения, а защищать то, что уже по праву входит в границы арийского влияния.

Отдавать дочь за сановника-арийца, пусть и верного, и умного Иштувегу не хотел. А за своего родича – опасно вдвойне. Тогда оставались данники, сыновья владык подвластных государств.

Шах много думал, собирал сведения об отпрысках, сопоставлял военные возможности и характеры правителей, ресурсы государства и этнический состав жителей, религиозные предпочтения и нравы окружения владык.

Многие существенные обстоятельства, которые удовлетворяли Иштувегу сошлись на молодом шахе области Парсумаш. Чаще называемой для престижа и, якобы преемственности власти, перешедшей к парсам, древним названием Анчан. Среди парсов Иштувегу остановил свой выбор на Камбуджии¹³, его племя пасаргадов известно своим славным прошлым, а родичи и предки занимали там первенствующее и главенствующее место на протяжении нескольких поколений, начиная с легендарного Хахаманиша. Чаишпиш¹⁴, сын Хахаманиша¹⁵ превзошёл отца удачей и вышел из повиновения властителя Манды, захватил Анчан¹⁶, один из главных городов эламитов, некогда задававших тон всей округе. Потомки его прыть поубавили и ныне его внук Камбуджия не противится воле Манды, не пытается выйти из зависимости, к тому же и нрав имеет спокойный. Камбуджия правит в Анчане над двумя племенами парсов, не считая неарийских, как и отец его Куруш¹⁷, которому старший брат Ариарамна выделил надел, оставив себе большую часть земли над десятком родственных племён. Именуя себя, шахом шахов, шахом Парсы Ариарамна пошёл на соседние народы, но потерпел неудачу от Хшатрите¹⁸, шаха Манды и впал в зависимость, которая распространилась и на Анчан. После смерти Хшатрите Ариарамна задумал, снова стать независимым, но помешал собственный сын. Аршама рассудил, что царство Манда сильнее и тягаться с ним отцу напрасно, но перечить не имело смысла. Гнев отца неприятен, но гнев шаха опасен. И Аршама со своими воинами перешёл на сторону сына Хшатрите, Увакиштара¹⁹, который вступил на трон после смерти отца. С тех пор Парса и Анчан исправно отсылают дань теперь уже Иштувегу.

Ариеннис поддержала супруга. Хотя она признавалась себе, что если бы возразила и привела бы доводы не в пользу шаха Анчана, Иштувегу поступил бы по-своему. Ариеннис согласилась и даже обрадовалась, потому что искренне считала, что Камбуджия самый подходящий

¹³ Камбузия или Камбуджия (др-перс.), греки называли Камбис I (др.греч.)

¹⁴ Древние греки называли его Тейсп или Теисп

¹⁵ Ахемена (так называли греки)

¹⁶ Чаще называют его Аншан

¹⁷ В истории известен как Кир I

¹⁸ Греки называли его Фраорт

¹⁹ Греки называли его Киаксар

избранник для Манданы. Озабоченная мать горячо восклицала, превознося мудрость Иштувегу. По её мнению, дочь наконец-то уедет из дворца и наёмным убийцам будет труднее до неё добраться. И Мандана не станет, как в эти прошедшие годы постоянным напоминанием о пророческом сне, предупреждающем её отца об опасности, которая может исходить от неё. И, что не менее важно: будущий муж дочери человек не злой и не коварный, для него породниться с шахом Манды большая честь.

Ариеннис долгое время опасалась, что супруг не захочет отдавать дочь за пределы города, чтобы следить за ней и выдаст за отпрыска одного из местных знатных родов, к которым после толкования сна питал подозрения. Среди родни и разного рода сановников немало найдётся тех, кто в тайне мечтает через дочь шаха стать его наследником, затем и занять трон. А ускорить исполнение мечты есть немало способов. Но так думала не только Ариеннис. Иштувегу решил пресечь беспочвенные мечтания родни и окружения, тем самым исключил, как он думал, соблазн заговора против себя.

Союз с Камбуджией не опозорит, он сам из правящего рода. И дочери легче будет приживаться на новой для неё почве: верования схожи, хотя учение Заратуштры местная знать почитает лишь кто-то в третьем, а кто-то только во втором поколении, зато нет большой разницы в языке. Мандана без труда разберёт речь тех, кто её будет окружать так же, как и они её слова. У жителей Парсы, Анчана и Манды среди разноэтнического населения были общие предки – арии.

Ариеннис возлагала большие надежды на союз с Камбуджией и мечтала, что жизнь дочери будет лишена опасности.

Не стали ждать, когда невеста повзрослеет. Юная дева с каждым месяцем хорошела. И надо выдать замуж пока цветок молодости ещё не совсем созрел, дабы тело жены оставалось притягательным для мужа ещё немало лет.

Глава третья. Угроза осталась

I

Расчёты Иштувегу и Ариеннис оправдались, молодые жили в Анчане мирно, они полюбили друг друга. Чета в Манде успокоилась: Ариеннис перестала беспокоиться о дочери, уверилась, что опасность миновала и уже ничто ей не угрожает; Иштувегу считал Камбуджию верным подданным и ничто не предвещало, судя по сведениям доносчиков, чтобы со стороны Парсы или Анчана исходила угроза, попытка захвата власти.

Так продолжалось до тех пор, пока Мандана не забеременела. Сначала все обрадовались предстоящему потомству. Но однажды Иштувегу приснился сон.

Среди ярких подушек под шёлковым покрывалом лежит Мандана. И вдруг из её чрева появился росток! Тут же начал расти ввысь! Это виноградная лоза! Она росла не только в высоту, но и в ширину! Ветви разрастались гибкими и бесконечно длинными. Ветви расплзались: с кровати на пол, с пола по стенам. Просунулись в окна, распахнули дверь. Словно змеи поползли по коридорам. С крыльца и окон дворца ползли по камням, стенам и башням крепости. Некоторые нашли лазейку под воротами, другие переползли их и стены. Помчались побеги, разрастаясь и ветвясь во все стороны. Уже вся земля Анчана, затем Парсы ими покрыта. Побеги виноградной лозы ползли, покрывая горы и равнины, заполняя дома бедняков и дворцы правителей.

Обходя и наползая на преграды, вырастали всё новые и новые ветви, стелились по земле, где властвовал Иштувегу. Словно мосты перекидывались через реки, обволакивали озёра, пробивались по горным перевалам, стелились в ущельях, обнимали домишки, домики и дворцы.

Зелёная и цветущая виноградная лоза всё ширилась и разрасталась. Ветви и побеги спустились, пройдя земли нескольких стран и добрались до моря. Ростки перекинулись на лодки и поплыли в сторону Египта. Виноградная лоза заняла собой всю Азию, которая была известна Иштувегу.

II

Толкователи снов опять стоят перед шахом, только что они разъясняли смысл видения, посланное богом. Сон предупреждает об угрозе, которая не минует наступить от отпрыска дочери.

– Уверены, что опасность есть?

– Да, всемилостивый господин наш! У Манданы родится сын, он станет шахом над шахами! – молвил седой крепкий старик, старейшина толкователей-магов.

– Мой внук пойдёт на меня войной?

– Пророческий сон, наш владыка, показывает, что сын твоей дочери станет шахом над землями, которые нам известны.

Иштувегу отпустил толкователей. Те, кланяясь, удалились и торжественно проследовали по коридорам к выходу из дворца.

Шах, будто застыл в задумчивости. Он вспоминал сон и переживал заново тот ужас, который объял его при виде кошмарной огромной и беспрестанно расплзающейся виноградной лозы. Она была настолько реальна и так быстро заполняла собой пространство, что пугала до жути. От неё невозможно было укрыться или её остановить, обрубив ветви. Тут же вырастали побеги из соседних веток, и ещё быстрее наползали и укоренялись.

Иштувегу вздохнул, словно хотел избавиться от груза, который внезапно навалился и сдавливал его грудь, мешая дышать. Что же выходит, главный враг Манды не соседние крепкие государства, а подвластный и незначительный Анчан?! Пусть даже не сейчас, а, когда возмужает малыш Манданы. Ещё, наверняка, два десятка лет угрозы может не быть. Но потом, когда годы Иштувегу пойдут на склон, подступит старость, все его старания по усилению мощи Манды окажутся тщетны из-за мальчишки, сына данника!

Иштувегу встал, прошёл по комнате. Лицо суровое. Взгляд скользит по предметам, по лавкам, столу и стене, переметнулся в окно. Упёрся в кучевое облако, опустил на башню крепостной стены, где дежурил воин с пикой и луком за плечами. Вдали за стеной крепости пестрели наделы возделанной земли, по дорожкам тянулись люди и ослы, словно муравьи. В предгорье зеленел лес, на горизонте синели горы. Представил землю, подвластную ему: города и селения, предгорья и долины. Нет, не допустит, чтобы мальчишка, сын данника всё это отобрал! Не бывать тому! С каким трудом его предки добывали власть, возвышали собственный народ. И ныне никто не решается напасть на Манду... Как может столь малое и слабое государство победить нас? Немыслимо! Если только по воле дэвов случится невероятное...

Сын Манданы... в нём несомненно кровь нашего рода и несмотря на это нельзя допустить, чтобы он встал во главе Манды. Что значит передать власть родному внуку? Главное, что он сын парса, вырастет в окружении парсов, значит, в Манде будут верховодить парсы, недавние данники. О, хорошо известно, что случается с бывшими господами! Самые родовитые и потомственные арийцы лишаются жизни. Держава Манды перестанет существовать! А отец мне завещал хранить то, что добыто в многолетней борьбе, не допустить, чтобы вновь стали данниками.

Иштувегу знал, что никому из окружения нельзя показывать свои сомнения и уж, тем более, свою слабость. Все должны видеть: правители соседних стран, свои родичи и сановники, что он сильный владыка. И все его действия направлены на благо страны. Он знал, что некоторые ропщут, мол, давно не ходили в походы, не помешало бы урвать добычи из городов за горами и присоединить пастбища в долинах. Знал, что подобные недовольства знати вызваны их жадностью, им уже мало того, что вывезли из Ассирии. Знал, что отсутствие походов благоприятно сказывается на народе, мирная жизнь способствует приросту населения и увеличению количества скота, есть кому обрабатывать поля и, отдавая дань, им самим остаётся. А, что у голодных возьмёшь, поэтому Иштувегу хотел, чтобы народ Манды был сыт, одет и обут. И в случае надобности они охотно пойдут на битву за правителя, потому что знают, что потеряют вместе с его утратой.

Ну, а сразу, мешающую жить, надо уничтожать, особенно, если известен её источник.

III

Ариеннис потеряла покой. Она знала содержание второго пророческого сна. Знала, что супруг напуган, но в то же время твёрд в своём решении. Мольбы бесполезны. Наоборот, меры могут быть приняты более суровые. Щедрость и ласка Ариеннис к сочувствующим доносчикам возросла. Они боялись перемен и боялись гнева шаха, но продолжали сочувствовать и помогать сведениями Ариеннис, в основном за вознаграждение. Старались далеко не все от чистого сочувствия, им хотелось выжить самим в той династической встряске, которая могла произойти, и выжить, желательно с пользой для себя.

Ариеннис стала ещё более предупредительна с мужем, растворялась в его заботах, старалась, как могла, чтобы никто и ничто не раздражали шаха. Но думы о грозящих опасностях не только настоящего, но и будущего портили характер правителя.

Ариеннис металась между супругом и дочерью. Мандана, покорная воле отца по его велению вернулась в отчий дворец. Иштувегу объяснил, что заботиться о здоровье дочери и

ребёнка, который пока ещё в её чреве. Надеется, что среди родных стен, под присмотром любящей родни роды пройдут благоприятно. Мандана верила, потому что отец говорил правильные слова и в них звучала забота, но что-то настораживало. Мать, как всегда заботлива, но иногда в её глазах мелькал страх, а лицо выражало настороженность. «Неужели так страшно рожать? Да, бывают случаи печальные... Отец угрюмый и озабоченный. Да, конечно, ему нужен наследник. Или причина в чём другом? Возможно, кто-нибудь хочет пойти войной?»

Как ни скрывала Ариеннис от дочери о странном втором сне, всё же Мандане стало известно и проболталась сестра. Аметида рассказала в порыве откровенности. Само собой, что беззаботность покинула Мандану и более не вернулась. Молодая женщина стала внимательно вслушиваться и вглядываться, чтобы заметить малейший намёк на опасность себе и своему ребёнку. Потом поразмыслив, что она всё равно не сможет тягаться с отцом, не сможет даже убежать, потому что её возвращение к мужу могло бы спровоцировать военный конфликт, она не хотела быть причиной гибели людей, не причинивших ей ничего плохого. Да и выживет ли младенец в такой сумятице и не могла поручиться, что её не выдадут отцу, чтобы избавиться от жестокого мщения за укрывательство. Ведь её отец господин и над парсами. Мандана не стала советоваться с матерью, ибо их тайные переговоры мог кто-нибудь заметить и услышать, затем и передать шаху. После долгих раздумий Мандана вручила себя божественным силам. Она молилась усердно и просила больше за ребёнка, который вскоре должен родиться. Хоть она и дочь шаха, но как и все поданные подвластна и отцу, и повелителю. И только бог над всеми, в том числе и над теми, кто владеет землями и народами. И, если боги решат, что ребёнку суждено жить, то он будет жить, несмотря на все старания тех, кто уверен в обратном. Мандана смирилась и успокоилась.

Камбуджия волновался за любимую жену, но перечить тестю и владыке не имело смысла. Камбуджия смирился, но не находил покоя, ему приходилось терпеть и ждать.

IV

По покоям и коридорам пронеслась весть: «Мандана разрешилась от бремени! У Камбуджии родился сын! У правителя Манды родился внук!» Гонец помчался в Анчан, сообщить новость шаху парсов.

Иштувегу смотрит на сморщенное личико, жалкое тельце новорожденного, который лежит возле Манданы, зажав в крохотный кулачок край покрывала, и безмятежно спит. Утомлённая болями дочь задремала. Сейчас сонное её лицо выражает умиротворение. Правая рука обнимает малютку.

Ариеннис сидит у ложа дочери ни жива, ни мертва, переводит взгляд с внука на супруга, от него на Мандану. Ариеннис не может спасти малыша и едва сдерживает рыдания. По осанке и выражению лица мужа она поняла, что решение принято, и оно непреклонно. Горю не миновать. Когда и как?..

Иштувегу смотрит на внука. Невозможно представить, чтобы это хилое и беспомощное создание явилось спустя годы угрозой для его державы... «Неужель и я был такой?..»

Иштувегу резко повернулся и пошёл прочь из комнаты. В коридоре ждали родичи и слуги, он распорядился, чтобы к нему пришёл Гарпаг, сановник и военачальник, которому шах доверял больше всех.

V

Взгляд Иштувегу из окна упёрся в дорогу. Она выкатывалась из дворца, вела к воротам в крепостных стенах, а дальше от неё разбегались городские улочки. Дорога переходила в мост

надо рвом, потом уже невидимой из окна, терялась среди кустарника... Туда, в лес отправился Гарпаг.

* * *

Сквозь толстые стены почти не проникали вопли, что оглашали женскую часть дворца. Ночью умер малыш, он посинел и стал так страшен, поэтому шах запретил показывать тельце несчастного неутешной Мандане.

Потом распорядился похоронить в семейной усыпальнице. Ариеннис, захлёбывалась слезами, негодовала, но изменить что-либо не в её власти. Приходилось утешать дочь сквозь слёзы:

– В младенчестве дети очень слабы, и надо быть готовой к утрате. Надо молить Анахиту о даровании другого здорового ребёнка.

Мать и дочь понимали друг друга, но опасались говорить вслух страшное предположение, чтобы не обратить гнев правителя уже на себя. Ариеннис и Мандана обменивались взглядами, полными слёз, обнимались и рыдали...

* * *

Среди ветвей продирался всадник. Он свернул с проезжей дороги, какое-то время его конь ступал тропами лесных зверей, углубляясь в чащу. Его одежда взмокла от пота, но причиной тому не полуденный зной. Солнце не жгло, а ласково пригревало землю. Впервые за много лет службы Гарпага покинуло всегдашняя беспрекословная исполнительность. Раньше он никогда не задумывался, а выполнял приказ. Почему? Потому что это приказ правителя, во власти которого жизнь сотен тысяч людей, в том числе и его. И это никогда не вызывало сомнений, не приходил в голову вопрос: «А надо ли исполнять?» И не важно, насколько жестоки были последствия исполнения приказа. Но почему сейчас ему так трудно выполнить наказ шаха? Гарпаг, будто слышит снова и снова: «Отвези в лес, оставь диким зверям! И, чтобы никто не узнал!»

Гарпаг спешил. Вынул из седельной суммы куль. Посмотрел на личико. Младенец спит. До отъезда его кормилица долго держала у груди. Малыш наелся, пригрелся. Гарпаг осторожно завернул его в шерстяное покрывало и унёс в то время, когда кормилица заснула поев ячменной каши с подмешанной туда сонной травой. Монотонный и неспешный шаг коня в тиши ночной прохлады не только не разбудил, напротив, способствовал крепкому сну малыша.

Гарпаг присел на траву маленькой полянки, прогретой солнцем, положил ребёнка рядом так, чтобы тень от ствола кедра падала на его лицо и голову.

Гарпаг сидит и смотрит на хорошенькое личико младенца, такого спокойного и безмятежно спящего, будто никакой опасности вовсе нет. Иногда Гарпаг вглядывается сквозь ветви. Высматривает диких зверей? Иногда поднимает голову и сквозь кроны устремляет взгляд в бездонную голубизну. Пытается умолить Ахура Мазду? Просит ли чего? Или прислушивается, нет ли ответа или знака от верховного божества? Вокруг неумолкающие переклички птиц на разные голоса. Проник ли через них знак, которого быть может, ожидает Гарпаг?

Перед ним лежит младенец – отпрыск трёх родов шахов. В его жилах кровь правящих семей Лидии, Манды и Анчана. А он, Гарпаг, должен обречь ребёнка, столь высоко вознесённого судьбой, на смерть.

Пророческие сны царя. Что это? Предупреждение Ахура Мазды об опасности, которую можно избежать или знак неизбежного? А, если сны дарованы Иштувегу божественным промыслом, чтобы он подготовил внука к высокой миссии, уготованной для него свыше?! И, если шах неверно понял и уничтожит божественного посланника, каким, быть может, является этот малыш, то его ждёт расплата, от которой пострадает не только один Иштувегу, а все, кто на него служит! Гарпаг вздохнул. Какой смысл искать толкование. Для этого есть сведущие люди, нечета ему. А его положение безвыходно. Если не выполнит приказ правителя – кара падёт

незамедлительно и не только на него, семья тоже пострадает. И неизвестно останется ли кто в живых, а если и выживут, то покалеченные всё равно долго не протянут.

А не пожалеет, ли потом Иштувегу, что погубил внука? Ежели, по прошествии лет шах опомнится и захочет видеть внука живым, ведь пока он единственный наследник мужского пола. И Гарпаг будет повинен, что умертвил младенца, а про свой приказ с досады шах забудет. Как станет, знать не дано, пока же за ослушание грозит смерть.

И всё же, глубоко в душе сомнения росли, но Гарпаг даже себе в том не признавался.

Гарпаг смотрит на малютку. Скоро и у него родит жена. Если будет сын, какая его ждёт судьба? Раньше Гарпаг был уверенней в своём будущем, шах ценил его преданность и исполнительность. Но ныне Гарпаг, будто споткнулся, а поднявшись, увидел всё иначе. Гарпаг, хоть ещё и молод, но очень сомневался, что божество можно обмануть. Предназначенное должно свершиться. Возможно, поэтому он не в состоянии действовать как бывало, решительно и смело, не вникая в смысл деяний, а всего лишь исполняя волю владыки. А, если его сомнения и есть знак верховного божества? Но как возможно не исполнить приказ шаха?

Глава четвёртая. Сын пастуха

I

Взъерошенный мальчишка, всхлипывая, бежит по тропинке, утирает слёзы рукавом кафтана из тонкой шерсти, расписанный затейливой вышивкой. На скуле багровеет ссадина. Серые глаза, оттеняет синева, особенно левый. Ушибленная спина начинает ныть. Мальчишке больно и обидно. Пока рядом нет никого, плачет навзрыд.

Вбегает по каменным ступеням крыльца. Слуги и домочадцы, увидев ревущего сына хозяев, засуетились. На шум вышла мать пострадавшего. Увидев побитого и плачущего сына, бросилась к нему с расспросами.

– Кто же тебя, сынок поколотил?

– Сы-ын па-а-сту-у-ха-а! – сквозь рыдания выдавил мальчик.

– Что?! Как он смел?

– Мы играли... Выбирали шаха! Все согласились, что шахом будет Куруш, сын пастух Митрадата. Мы хотели посмеяться над ним... Он стал нами верховодить... Мы спорили с ним, а я отказался повиноваться. Курош рассердился. Сказал, что он шах и мы не должны ему перечить, а выполнять без возражений то, что приказывает... Я посмеялся над его словами, а он... набросился и побил меня...

Негодующая мать помчалась на половину мужа.

– Артембар, муж мой, нашего сына побил какой-то пастушонок! – негодующе воскликнула женщина и описала страдания бедного сыночка, умоляла супруга наказать дерзкого обидчика.

Артембар распалился, праведный гнев требовал отмщения. Но сначала надо выяснить, кто этот наглец.

Отец подробно расспросил сына, где случилась драка, чьи стада охранял пастух и где он обитает. Оказалось, что наказать самому не представлялось возможным. Судя по описанию мальчишка, пастух принадлежал к рабам шаха.

Артембар сановник горделивый и еле сдерживал возмущение. От быстрой ходьбы развевались широкие рукава и полы длинного одеяния, что придавало ему величественный вид, но перед входом во дворец он сбавил темп, запрятал спесь в глубину своей натуры. Сдержано пройдя в покои правителя, низко поклонился Иштувегу.

– Припадаю к твоим стопам, господин наш, прошу защиты от твоих рабов!

– Что это значит, Артембар?

Сановник рассказал об обиде и унижении, которые получил его сын от пастушонка.

Шах согласился, дерзость неслыханная, хотя в игре детей границы дозволенного и недозволенного стираются. И всё же наказать необходимо, чтобы не забывал своего истинного места.

II

Между глинобитными домиками шёл отряд из десяти воинов. С тем, за кем они направлялись, мог справиться бы и один воин, любой из них, но приткный мальчишка, на которого укажет их юный проводник, мог сбежать, поэтому чтобы наверняка его догнать и схватить пришлось отправить несколько человек.

Куруш вёл козу из лошины, где росла густая сочная трава. Обычно в это время козу мама доит. Пройдя мимо стены соседнего дома, повернул к своему и увидел воинов, они шли навстречу и озирались по сторонам, будто кого-то искали. Куруш увидел между воинами своего

знакомца, который беспрестанно мелькал то туда, то сюда, как будто прячась за ними. Тот тоже заметил Куруша и, протянув руку, крикнул:

– Вот он!

Воины как по команде повернули головы в ту сторону, куда указывал мальчишка, и бросились к Курушу, который глядя, как стремительно приближается к нему отряд и не подумал бежать, лишь мелькнула мысль: «Вот и расплата за власть шаха», вслух же крикнул: «Мама, я вернусь!»

На крик сына из домика выбежала Спако, но издали увидев, что воины из царского дворца схватили её мальчика за руки и повели, словно ослепенная. Она почему-то почувствовала, что с сыном больше им не встретиться. Куруш успел заметить, как метнулась мать, но ему не удалось увидеть, как она побледнела. Поворот за соседний дом не позволил увидеть и дальнейшее: Спако пошатнулась и слегка приподняв руки, нырнула спиной... но не в воду, а на утопанную землю, а голова глухо ударилась о большой о камень, о который они точили ножи и топоры. Из-под пёстрой накидки, что прикрывала каштановые с проседью волосы, по поверхности камня с каждым мигом увеличивалась красно-бордовая лужа, стекая ручейком на землю.

Когда до дальнего пастбища добрались мальчишки, что жили по соседству с Курушем, то не нашли его отца. Стадо овец никто кроме трёх собак не охранял. Искали по всем окрестным отрогам и сколько ни кликали, Митрадат не ответил. Мальчишки пришли, чтобы сообщить ему, что соседи оплакивают его жену и сына, но только много позже слух дошёл, что и его тоже увели во дворец шаха.

III

Напрасно воины крепко вцепились в руки Куруша, он и не пытался вырваться. Мальчик оробел, но не от страха смирился с тем, что его уведут неизвестно куда, а от того что грозные для всех воины шаха, перед которыми трепетали и стар, и млад, и бедняк, и богач, окружили его и сурово оглядывают.

Куруш ещё не ходил по этой дороге. Она ведёт в ворота семи разноцветных стен, что окружают дворец шаха – об этом слышал от старших, а сам видел только издалека. Казались тогда маленькими цветными и сверкающим зубчатыми кольцами, каждое из которых торчит изнутри предыдущего, а в центре, возвышается огромный сверкающий самородок.

Дорога вела из предгорья в долину, мимо реки, что текла в сторону города. К сожалению, не природа позаботилась обеспечить жителей водой. Своеобразная местность, где, сколько ни рой, мало где докопаешься до воды, поэтому колодцы встречались не часто. Оставалось добираться до реки, а путь для бытовых ежедневных нужд неблизкий, но приходилось терпеть многим поколениям, пока предыдущий шах Увакиштар, отец нынешнего, не приказал изменить русло реки. И к горожанам пришла вода. Кроме того, реке пришлось поделиться на оборону, часть воды направили в ров, который за наружной стеной окружал дворец.

Вот и миновали ворота. Какие красивые, высокие стены! Никто не посмел их преодолеть. Воины в дозоре с пиками ходят вдоль зубцов от башни к башне.

Каменные плиты дорожки подводят к входу в сияющие чертоги! Разве может здесь жить смертный? Дворец, возвышается громадиной. Тускло мерцает в лучах крыша из сверкающих листов. Стены, будто расплавленное золото слепят глаза. Куруш заинтересовался выбитыми узорами на двери и фигурками на стене, но его толкнули и, чуть не споткнувшись о высокий порог почти влетел внутрь. Прохлада обдала, так ему показалось сначала. Вскоре тело привыкло, здесь не было зноя, к которому привык мальчик и сквозь узкие окошки солнечные лучи кое-где упирались во всевозможные узоры стен и колонн, что подпирали такой же золочёный потолок, где ловкие всадники охотились на зверей и уносили отловленную добычу.

Куруша повели дальше только трое, остальные куда-то ушли, мальчик и не заметил, занятый рассматриванием рисунков и всем, что ему попадалось на глаза. Они прошли ещё несколько комнат, после чего один из воинов, что возглавлял их отряд, вышел в боковую дверь. Куруш, поражён большими сверкающими комнатами, резными скамьями и ларями, широкими столами. Мальчик оглядывал всё с интересом и совсем перестал бояться.

IV

Иштувегу смотрит на дерзкого мальчишку. А тот на тёмные линии, подведённые вокруг серых глаз правителя, без робости и стеснения рассматривает обстановку комнаты, без страха взирает на шаха и яркое и богатое его одеяние. «От непонимания, кто перед ним? – подумал правитель. – Почему этот пастушок напомнил ему Мандану? У дочери в детстве лицо, конечно было нежнее... Если б переодеть этого мальчишку в её платье, то и за сестру примешь... Сестра не сестра, а так похож, словно брат... Если б сомневался в преданности Ариеннис, то счёл за плод её греха... Сын...»

Иштувегу пристально рассматривает. Странно, но сходство явно бросалось... Не может быть, чтобы Гарпаг ослушался... Кого же они похоронили в царском склепе?

* * *

Пастух Митрадат, помня наказ Гарпага, молчал, но боль такая, что нет никакой мочи терпеть. Палач шаха должен получить признание во что бы то ни стало. Жалость к тем, кого приходится истязать не позволительная роскошь. Иначе сам займёшь их место. Поэтому старается не допустить ни малейшего сочувствия, за исключением, того, когда возможна добавка к основному доходу и при этом с него не взыщут, тогда его подопечного ждёт лёгкая смерть или не столь страшные увечья. За пастуха просить никто из влиятельных людей не станет, а ответ несчастного должен дойти до ушей царя. И, кто знает, не уничтожит ли Иштувегу и его уши, свидетелей тайны?

Пастух понял, что пощады не будет. И уже не молил, что злого умысла не таил. Он хотел, чтобы поскорее закончились пытки, от которых крик превращался в жалкий хрип и прерывается тёмным беспмятством, после чего истязания продолжают до следующего провала в никуда.

Если б знал, разве оставил бы у себя младенца! Скорей жену выгнал бы в лес, только не наступили бы эти невыносимые дни и ночи. Пусть пытки убьют скорее, всё равно с подобными ранами и увечьями его существование скоро закончится, но до того жизнь станет проклятой. Уже теперь она ненавистна.

Пастух признал, что сын не родной. Сказал, что получил ребёнка от Гарпага. Повинился, что нарушил приказ военачальник и не оставил в лесу, где рыщут дикие звери, как тот наказывал. Покаялся, что сомнения давили.

– Не щенка же бросать в лесу, а человеческое дитя! И одежда на нём тонкая, расшитая золотой нитью, значит благородных кровей. Но главное, как же бросить на растерзание зверям беспомощного малютку, а приказ всё ж таки намеревался выполнить. Пошёл к своей хижине, хотел пересидеть боль сердечную, потом идти уж в лес. Да при входе слышу, жена ревом надывается. Заглянул, она тискает комок, завернутый в тряпицу... Родила она, да мёртвым наш первенец вышел... Ещё одно горе свалилось. Да как-то в затуманенную печалью голову пришло поменять младенцев... В лес отнёс своего, который родился мёртвым за то время пока говорил с Гарпагом. Мёртвого и того жалко оставлять зверям, кровиночка родная моя, не кто-нибудь. Тогда думал, будет отрада мне в старости, а вышло... В богатые одеяния подкидыша обрядили мы с женой нашего малыша, который не успел познать божий мир. Потом обглоданные лесными обитателями останки моего сыночка передал людям, которых прислал Гарпаг.

Пастух повторял, что неизвестные ему люди, назвавшиеся помощниками Гарпага, унесли его несчастного первенца. Куда унесли, не ведает. Просил простить его за то, что не устоял от соблазна оставить живого и здорового ребёнка себе на утешение вместо умершего.

Палачу не пришлось передавать слова пастуха шаху, Иштувегу присутствовал при пытках и сам слышал всё.

Десять лет! Десять лет опасность, что нёс в себе его внук росла! А, он, правитель многих земель, во власти которого тысячи и тысячи подданных оказался обманутым! И кем? Ничтожным рабом, низким пастухом его собственных стад! И ещё человеком, кому всегда доверял, как себе, поверял тайны! По вине иль недосмотру Гарпага сын Манданы жив?!

Иштувегу подавлен, у него такое ощущение, словно его предали те, на кого он надеялся. Впрочем, почему словно, шах именно так воспринял откровения, вырванные пытками у несчастного пастуха. Его наполнила обида, больше похожая на осознание, что его предали. Отныне царь считал, что долгие годы был обманут Гарпагом, и теперь уж никому не может доверять. Иштувегу негодовал и думал о мести.

V

Толкователи снов спустя почти одиннадцать лет спешили на зов правителя Великой Манды. Опыт многих поколений сконцентрировался в их знаниях. Но смертные, даже много-знающие во власти богов. И, если человек ошибается в своих выводах, не божественные ли силы спровоцировали неверное решение, чтобы осуществить свой замысел.

Шах от прежнего мнения не отступил и всё ещё непреклонен, если угроза для его державы остаётся. Гарпаг нарушил приказ, так кто-нибудь другой исполнит. Ведь мальчишка для всех – сын пастуха. Гарпаг, конечно поплатиться, но сейчас важнее выяснить предназначённое для мальчишки.

Толкователи-маги совещаются. Иштувегу ждёт. То прогуливается по комнате, то подойдёт к окну, обозревает окрестности. Но видит ли чего? Его гложет забота, как поступить с пастушком, то бишь с сыном Манданы?

VI

– Опасность миновала, – вердикт толкователей-магов.

– Из чего следует ваш вывод?

– Дети выбрали Куруша, шахом, – молвил старейшина толкователей. – Среди мальчишек, сыновей сановников, значимых и богатых людей Манды он стал владыкой. Пророчество исполнилось.

– Но это лишь игра, – усомнился Иштувегу.

– Именно на Куруша пал выбор детей, несмотря на то, что они знали его как сына пастуха, но провозгласили своим шахом. Пусть даже в шутку. Дети часто подсмеиваются друг над другом. И, чтобы высмеять сына пастуха необязательно нарекать его шахом. Однако они сделали именно это. А Куруш свою роль воспринял серьёзно и стал проявлять власть, свойственную правителю над подданными и данниками. Таким образом, претворились в действительность пророческие сны, дарованные тебе, наш господин.

Ответ толкователей успокоил шаха. Конечно, было бы надёжней, чтобы мальчишка сгинул ещё в младенчестве, но так как для Манды он не опасен, пусть живёт. Но терпеть его возле себя Иштувегу не желает. Пусть отправляется к отцу и матери.

VII

Племя магов жило на территории Западного Ирана и, было неарийского происхождения. Несколько веков назад их предки, побеждённые ариями, вынуждены покинуть обжитые и привычные земли, большая часть из них ушла в сторону захода солнца, а остальные укрылись в глухих горных перевалах и узких долинах, перекочёвывая беспрестанно. Многие из соплеменников испокон веков зарабатывали гаданием, предсказанием, а также исполняя ритуалы и жертвоприношения в селениях и городах, да и приходилось, странствовать от поселения к поселению. Племя магов ушло за горы и вынуждены были подчиниться ассирийцам, как и многие в окрестностях, поэтому выполняли обряды, принятые и у них, а также были знакомы с аккадскими верованиями. Шах Манды сбросил власть ассирийцев, осмелился пойти на них войной, взяв в союзники царей Вавилона и Манны. И племя магов попало под власть мандийского владыки, который следовал учению Заратуштры. Кроме семьи шаха не все, но многие, в том числе и простой люд чтили благого владыку – Ахура Мазду. Часть семей и родов племени магов, решило, что учение Заратуштры поможет и им не только выжить, но и жить, быть может, лучше, чем прежде, ведь арийский шах со знатью вывезли из городов Ассирии огромные богатства, некогда захваченные ассирийцами на землях, подвластных Эламу.

Самые богатые и влиятельные из племени магов, старались брать в жёны себе и сыновьям ариек, чтобы их неарийское происхождение со временем забывалось.

Когда они поняли, что боги предрекают переход власти над Мандой отпрыску из парсов, то решили поквитаться с Иштувегу за тревоги и лишения, которые претерпели раньше, при перемене власти, когда шахом был его отец Увакиштар. Иштувегу получил от них сначала правдивое толкование, а затем, когда во главе племени магов встал мстительный и хитрый вождь, который решил обмануть шаха и ложным разъяснением усыпил его бдительность, в результате чего Иштувегу поплатился, но и пророчество исполнилось, ведь во снах Высшие силы его предупреждали. Глава магов так вошёл в доверие, что ни одно решение Иштувегу не приводил в действие, точнее принимал окончательное решение после того как своё слово скажут маги.

VIII

Ариеннис не верилось, что такое счастье возможно. Глаза! Серо-зелёными глазами Манданы смотрит на неё мальчик. Крепкий и озорной как Алиатт, отец Ариеннис, рослый и серьёзный, как Иштувегу. Задатки решительности, самоуверенности и властности разве могут быть природной чертой пастуха? Мальчик явно высокого происхождения. А его нижняя челюсть и рот, разве не напоминают эту часть лица её дочери, как и у её отца – повелителя Манды! Высоко поднятые брови и русые волосы – наследие Камбуджии, и ещё спокойная рассудительность не по годам. Нос, почти копия носа её дочери. Профиль – потомственный отпечаток рода Иштувегу! И даже затылок плоский, как у всех манданцев. Ой, как его ещё примут парсы? Не будут ли чураться, считая чужаком?

Ариеннис со слезами счастья благодарит Анахиту и Ахура Мазду! И всё же у неё закрадывается сомнение. Сомнение относительно намерений мужа. Ариеннис просила Иштувегу сопровождать внука, чтобы вместе с дочерью разделить радость обретения.

Шах какое-то время колебался, мол, шахиня не должна снисходить и ездить на поклон к подданным. Ариеннис продолжала умолять, ведь она много лет не видела дочь и, кто знает, сколько лет оставили боги на её земной путь. Умрёт и не успеет обнять Мандану.

Ариеннис обычно не докучала шаха просьбами. Иштувегу смягчился, посчитав, что материнский инстинкт не вступает в противоречие с долгом её высокого сана.

Куруша непривычно сытно кормили. Столько мяса раньше он видел на обеденном столе своих прежних родителей лишь несколько раз в год, в большие праздники, особенно, когда в день зимнего солнцестояния отмечали создание скота.

Пока готовился караван в дорогу, Ариеннис в сопровождении служанок, куда же от них денешься, часто проводила время с внуком. Особенно мальчику понравилось гулять в саду или во внутреннем дворике, присев на прохладную гранитную скамью или прямо на траву у ног бабушки, с удовольствием слушал её и сказания Замуаши. Когда впервые попал в сад, мальчик ахнул и оторопело остановился, казалось, что деревья, кусты и цветы растут почти что в воздухе. Но это было совсем не так.

– Много лет назад, десятки лет назад один мудрый садовник вырастил большой сад на малой площади, – объясняла мальчику Ариеннис. – Строил несколько лет: на своды из обожжённых глиняных кирпичей насыпал землю хитро, нечто вроде террас, но иначе. Подвёл воду в глиняных трубах, засадил кустами и деревьями, а между группами растений разместил лесенки, куда удобно подняться и даже прогуляться и отдохнуть на скамьях под кронами или в шатре.

– Так интересно и красиво вокруг, – восхитился Куруш.

– По примеру нашего сада, но немного большего размера построил для своей жены Амита царь Вавилон Навуходоносор. Ведь Амита – родная сестра твоего дедушки, шаха Манды, Иштувегу.²⁰ Когда она прибыла к мужу, вокруг простиралась знойная и сухая низина, а Амита привыкла к сочной и пышной растительности, дающей тень и укрывающей в жару, лесистые холмы сменялись тенистыми ущельями, да и в саду при дворце шаха было всегда свежо и приятно отдыхать. И, чтобы не скучала любимая жена в далёком от родины краю, Навуходоносор повелел соорудить подобие того, что ей привычно и дорого. Сидя в беседке или, гуляя по вершине холма среди цветущих растений, Амита, будто ходит по своей родной гористой земле, будто прогуливается по саду своего детства, но при этом взирает на Вавилон, что простирается внизу и вокруг сада. Смотрит на улицы, что пересекают его и упираются в ворота стен, тянущихся вдоль реки Евфрат. Видит, как снуют лодки по реке от берега к берегу, потому что мост не вмещает всех желающих перейти. Наблюдает, как входят и выходят жители в трёх– и четырёхэтажные дома, как торгуются на прямоугольных площадях...

– Моя двоюродная бабушка – царица Вавилон?!

– Да, мой родной.

– И у меня родня и предки только шахи, цари и царицы?!

– Именно так, мой драгоценный внук.

Свалившиеся внезапно на Куруша все сведения, касающиеся его самого и его новых родственников, ошеломили настолько, что до сознания почти не доходили. Но что он понял чётко, скорее ощутил, что прежней жизни у него уже не будет. Не будет рядом таких родных и любимых Спако и Митрадата. Ему придётся жить среди чужих людей, привыкать к обычаям и порядкам, которых он не понимает, слушать льстивые речи, терпеть завистливые взгляды. Но здесь так притягательно – всё сияет, словно и не жилище смертных, а чертоги благого бога, вокруг столько заманчивых и удивительных вещей, которые хочется трогать и рассматривать!

Восхищался мальчик всем, что удалось увидеть, и ощущал себя, будто находится внутри драгоценной и притом огромной шкатулки. Во внутреннем дворике вокруг скамей и столиков у фонтанчика возвышались колонны, сверкая гранями. За ними прямоугольником – внутренние стены дворца. Создавалось впечатление, что часть солнца переселилась в эти стены, в грани колонн, так ослепительны они. Солнце двигалось по небесной голубизне, и его двойник перемещался по стенам, перепрыгивал с одной колонны на другую. Куруш и не понял, из чего всё это состоит, но бабушка объяснила, что стены и колонны деревянные и обиты

²⁰ Этот сад затем ошибочно называли висячие сады Семирамиды.

листами из серебра и золота. «Столько золота и серебра! А у мамочки... Ой у Спако, которую я считал мамой всего лишь тонкое серебряное колечко, и она им так гордится. То подарок от папы... – Куруш вздохнул, – как оказалось не родного отца... Когда же повидаясь с ними?... Спросить у бабушки?» Куруш знал, что скоро отправится к настоящим своим родителям, но этих неродных ему уже не доставало, и он скучал, поэтому решил и попросил бабушку позволить им ехать с ним. «Отец, – потом спохватываясь, добавлял мальчик, – Митрадат будет пасти скот Камбуджии, а мама Спако приготовит лепёшки, бабушка, ты попробуешь и узнаешь, какие вкусные лепёшки она печёт. А, если нельзя, потому что они рабы Иштувегу, то передай дедушке и нашему шаху, что, когда я вырасту, то заработаю или покорю какой-нибудь народ и оплачу ему затраты». Ариеннис смотрела на внука, так не похожего на того сына пастуха, когда она увидела его впервые: всклокоченные волосы, подозрительный взгляд, но с решимостью отстаивать свою правоту, босоногий с загрубевшей кожей ступней, в штанах и рубаше из шерстяной колкой материи, от которой часто чешется тело, непривычное к грубой одежде. Ныне Куруш выглядит и держится так, будто не несколько дней, а много лет носит одежду, сотканную из отборной тонкорунной шерсти лучшими мастерицами. Бабушка гладит причёсанные и завитые русые волосы внука.

– Давай побрызгаю на тебя благовониями.

– Зачем?

– Будет от тебя пахнуть, как от цветов.

– Ладно, цветы мне нравятся.

– Это масло, мой внучек получено из лепестков роз, которых выращивают парсы.

– Пахнет красиво. Бабушка Ариеннис, а можно мне немножко этого масла, я потом отдам его Спако, ей тоже понравится и Митрадату будет приятно.

– Конечно, родной мой, бери, – Ариннис отдала внуку маленький керамический сосудик и улыбалась. Она едва не расплакалась, потому что была уверена, что пастуха и его жены уже нет среди живых.

IX

Изувеченный труп пастуха лежал за крепостной стеной и смердил. Никто не смел его хоронить. На то не было позволения шаха.

Гарпаг видел труп, но не узнал пастуха.

Иштувегу взглядом сверлил каменную кладку своих покоев. Исступлённо подыскивал способ мщения Гарпагу за давнее ослушание. Никак не ожидал от него подобного подвоха. Есть множество способов измучить человека, чтобы он стал молить прикончить его. Всё о чём передумал царь, не давало удовлетворения. Самые жестокие пытки над Гарпагом не сотрут того чувства предательства, которое испытал Иштувегу, узнав, что сановник вместо того, чтобы собственноручно исполнить приказ, перепоручил рабу своего владыки. Как он посмел? Не дёвы ли опутали его тогда в лесу? А он все эти годы продолжал ему доверять! Гарпаг же, словно хитрый лис много лет таил содеянный умысел. Заслужил. Да, заслужил кары неминуемой... Оставить ему жизнь, но чтоб не любя стала, чтобы тоска и печаль грызли и день, и ночь. Семью извести?... Чадолубие... Гордость, отрада и надежда Гарпага – его сын – ровесник Куруша, неожиданного найдёныша.

* * *

Палач выслеживает жертву, на которую указал царь. Как бы случайно попался на глаза.

– Что ты тут делаешь? Пошли, отец за тобой прислал, зовёт.

– Зачем зовёт? Куда идти?

– Туда, куда велел прийти. Давай, прыгай на коня, – палач посадил перед собой подростка и галопом помчался.

Склонившись переступили каменный порог, вошли. Низкий свод нависал почти над головой палача. Полумрак скрывал жуткие предметы – орудия его труда.

– Где отец?.. Какой тут смрад!

– Уже идёт...

Палач сделал резкий выпад и у подростка подкосились ноги. Он рухнул на каменный пол, пропитанный литрами чужой крови, к которой потёк ручеёк его собственной. Палач вынул короткий кинжал из сердца подростка.

Немедля стал снимать с умершего одежду и обувь, чтобы вынести подальше.

* * *

Иштувегу спустился в нижний полуподвальный этаж, вошёл на кухню, его сопровождал палач, который нёс в правой руке большую корзину.

– Вон все, кроме старшего повара! – крикнул палач, – и чтобы носа сюда не показывали до рассвета! – и помощники старшего повара, даже не глядя на него, выбежали.

– Сегодня жду гостя на обед, – сказал шах. – Баранину приготовь только для меня. Для гостя зажарь и отвари то, что лежит в корзине.

Побледневший от страха при виде палача, повар стал было приходить в себя, но взяв корзину и заглянув внутрь, чуть не выронил.

– Если кому проговоришься, сам туда угодишь, – кивнул шах на корзину.

Едва живой и едва удерживая груз, повар стоял как вкопанный у очага. На бледном лице выступили капельки холодного пота.

* * *

Гарпаг знал про обретение шахом внука, как и все в округе. Было объявлено об оплошности, которую допустил по неразумности раб, что ныне уже гниёт в земле. Гарпаг не однажды видел сына пастуха среди стад и отар, но не спрашивал у того ничего. Никто бы ничего не узнал, если бы не та игра мальчишек. Или суждено случиться именно так? Возможно, боги предопределили, и сын Манданы должен был выжить? Но ему, Гарпагу теперь несдобровать. Что же и над его судьбой, и над судьбами членов семьи довлеет божья воля.

Иштувегу пригласил его отобедать вместе с ним. Для чего? Чтобы отравить?.. Бежать поздно, да и некуда. Придётся идти навстречу року.

Шах принял Гарпага с дружеской улыбкой, почти как прежде, словно радовался долгожданной встрече с преданным другом. Гарпаг, ожидающий жестокости находится в замешательстве. Может быть, Иштувегу всё же рад, что его внук выжил. Хотя, зная нрав шаха, не исключал, что тот примерил на время личину, чтобы сбить с толку и скрыть пока искренние намерения, а потом нанести удар.

Бледный, потный и молчаливый повар поставил два блюда с мясом, от которого ещё поднимается пар. Обменялся с шахом взглядом и поспешил выйти.

Трапезничая, они говорили о государственных делах: о том, что надо идти в поход для сбора дани с предгорных племён; об отправке подарков для Креза в Лидию по поводу рождения очередного внука, что Ариеннис сочиняет послания для брата и племянника; о том, что крепость надо опять ремонтировать и ров вокруг прочистить и углубить.

И как бы между прочим, когда блюдо перед Гарпагом опустело, а он перестал задаваться вопросом, кода начнёт действовать яд, Иштувегу сказал:

– То ли зубы мои поистерлись, то ли баран жилистый. А как тебе, Гарпаг вкус мяса?

– Прекрасно! Никогда не едал такого мягкого и нежного!

– Специально для тебя приготовлено. А, что за забота тебя гложет?

– Сын куда-то запропастился. Жена не дозвётся. Слуги с ног сбились. Раб мельком видел какого-то всадника возле него. Не с ним ли куда убежал?

– Твой сын к тебе ближе, чем можешь себе представить, – сказал шах жёстко.

В ту же секунду Гарпаг почувал неладное. Иштувегу изменился. Таким он обычно представлялся перед поверженными врагами. Шах зло бросил:

– Твой сын не рядом с тобой. Он в тебе! Ты его съел!.. Ну, каково теперь мясо твоего сына?! Мягкое и нежное?..

Х

Так произошло или не совсем так, или вовсе иначе теперь уже не доказать, ни опровергнуть. Как бы там ни было, а Гарпаг затаил месть. Уж как эта месть ему удалась, можно только дивиться. Если б он только один был и то не удивительно, но за ним пошли многие и вся подготовка велась тайно мимо соглядатаев шаха. Всегда находятся недовольные правителем. Были бы бедняки, а нет же, самые богатеи. И чем недовольны? Что походов стало меньше, а значит и привезенной добычи мало или совсем её лишились. Спрашивается куда ж ещё тащить – золота да серебра, да разного чужого добра? А разве богач имеет предел, разве удовольствуется тем, что есть? Вот и роптали знатные мужи, да так, что не доходил их возмущённый гул до ушей Иштувегу. А, что же шах? Обленился, постарел и потерял прыть? Он понимал, что теми силами, что у Манды есть новых земель ни завоевать: ни покорить всё ещё сильного Вавилона, не присоединить Лидию, где армия считалась лучшей в округе и где собраны богатства, превосходящие их собственные запасы. К тому же в Лидии правил брат Ариеннис и война с её родиной принесла бы ей горе, а у него не было причин огорчать заботливую жену. Дальше на побережье греческие города, да и несвободные они уж давно, разве что Милет... его жители упорно отстаивали независимость. Да греки не отличались никогда богатством, не стоило туда идти. Как и не стоило поворачивать дальше к восходу солнца, далее восточных арией²¹ или спускаться в южную сторону, где обитали бедные скотоводческие племена. Приходится тратить время и силы на усмирение бунтующих племён, которые отказываются платить дань и самому отправляться на их усмирение. Да ещё не забывать об обороне, вдруг царь Вавилона или царь Манны позарится на землю Манды?

В окружении Иштувегу вслух все соглашались с ним, но далеко не у каждого собственные желания совпадали с помыслами царя.

ХІ

Вот и отправился караван в Анчан. Вместе с внуком уехала и Ариеннис. Вспомнилось Иштувегу лицо мальчика, когда его снова привели к дедушке. Да, дедушка, но и шах. Все падают перед ним ниц, в том числе и жена, и дочери, их мужья, уж тем более он, бывший приёмыш, выросший среди пастухов и стад, воспитанный среди рабов шаха. Иштувегу смотрит в узкое окно, а вместо города, стен, неба и природы видит лицо Куруша. Опасен ли мальчишка? Никаких признаков не заметил, как ни всматривался тогда, как ни вспоминал сейчас. Смышлёный и уже держится с достоинством. И это выросший в семье пастуха! Атраванам магов Иштувегу доверял, не помнил, чтобы они дали плохой совет. Что ж, если неопасен, пусть живёт.

Шах не чувствовал к внуку ни любви, ни привязанности, ни радости. Да у него самого нет сына – прямого наследника, но теперь оказалось, что есть внук, в котором течёт кровь и его рода. После тех странных давних снов он уверовал в смертельную опасность, и внук для него стал наипервейшим врагом. А ныне, когда опасаться не стоит, по утверждению атраван, как относился Иштувегу к Курушу? А, как мог относиться шах к сыну раба, что пас его скот?

²¹ Земли, которые назовут потом Бактрией и Парфией

Иштувегу отвернулся от окна, затем направился в опочивальню. Сбросил верхнюю длиннополую и расшитую одежду. Растянулся на постели, покрытой шёлковой китайской простыней, вздохнул.

Шах не видел, как заалел закат, как подсветились тучи. Только, что они были сизые, а теперь подошвы туч и кучевых облаков, будто озарены пожаром. Вместо солнца между облаками золотистые и красноватые неровные трещины. Зрелище устрашающее, потому что напоминают извержение вулкана. Не выброс пепла. Растекание магмы! Будто расплавленный камень течёт в небесной дали, и от его неистового огненного жара багровеют тучи!

Глава пятая. Первая любовь

I

Куруш раньше слышал об Анчане, это где-то в горах. Теперь он сидит с шахом Анчана и его женой за одним столом! Живёт в их дворце! Потому что он сын шаха Анчана!

Дворец не такой сияющий как у Иштувегу, точнее совсем не сияющий, потому что стены, колонны и крыши не покрыты листами золота и серебра. Но, тем не менее, очень красивый, построен из кедра и кипариса. Стены и колонны покрыты интересной резьбой, которую нравится рассматривать Курошу, и он пытается понять, что за истории там изображены.

Люди во дворце Камбуджии одеваются совсем иначе, чем те, которых видел Куруш в блистающем дворце Иштувегу. Здесь не носят длинных одежд с драпировками и широкими рукавами, а ходят в кожаных штанах и куртках. И у него теперь штанишки и курточка, как и у других мужчин из дублёной кожи.

Шах Анчана, как и многие другие владельцы земли и рабов подвластны дедушке Куруша! Удивительно и смешно! Невероятное стало реальностью, и понимание внезапного величия обыкновенного пастушонка только стало понемногу доходить до сознания мальчика. На удивление Куруш не возгордился, а лишь с увлечением познавал новый для него мир и очень сожалел, что не может поделиться всем, что узнал и увидел со своими приёмными родителями. Мальчик очень скучал по Митрадату и Спако, а временами, когда никто не видел, даже плакал. Много раз просил маму Мандану и папу Камбуджию, чтобы позволили приехать пастуху и его жене навестить его. Они обещали. Обрадованный мальчик с живостью рассказывал вновь обрётённым родителям о приёмных. Говорил, как Митрадат учил его приглядывать за коровами и волами, как обхитрить волка, если тот станет приближаться к стаду, как ремонтировать крышу и починить стену, как соорудить загоны и загородки и много ещё чего. А Спако! Как она любила его кормить, как ей нравилось дарить обновки мужу и сыну. Женщина трудилась весь день, то у очага, то у ткацкого станка, то шила, то делала заготовки, чтобы всегда было, что поесть. Всегда в заботах и делах. Куруш просыпался, а она уже на ногах. Куруш ложился, а она ещё на ногах. Митрадат часто уходил со стадом на дальние пастбища и вместе с ним иногда и Куруш, бывало, особенно зимой он оставался со Спако.

Мандана и Камбуджия видели, что мальчик тоскует, но выполнить его мечту было не в их власти, поэтому однажды сказали, что его приёмные родители уехали, а куда неизвестно. Куруш удивился, зачем им уезжать и разве позволил Иштувегу своим рабам покинуть хозяйина? Взрослые промолчали, опустив глаза. Много раз Куруш напоминал и спрашивал, можно ли разыскать Митрадата и Спако, но получал уклончивый ответ, которого не понимал или каким-то ловким способом вместо ответа разворачивался разговор совсем о другом, увлекающий мальчика, и он забывал о своих вопросах, хотя бы на некоторое время.

С появлением, Куруша, якобы ошибочно занесённого в список умерших, Мандана уверилась в непростой судьбе сына и, что боги ему благоволят. Отец увидел странный сон, потом о чём-то грядущем напомнил другой, не менее странный. Потом усилия, предпринятые шахом к умерщвлению ребёнка не удались. И тайно устранённый сын, вновь вернулся к ним! Это ли не чудо, сотворённое Ахура Маздой! Она и Камбуджия несказанно благодарны семье, приютившей их сына и, к огромному их сожалению, у них нет никакой возможности этих добрых людей отблагодарить, а как хочется и надо бы это сделать. И нет возможности облегчить и уж тем более спасти от наказания, которое неминуемо падёт. Этот горький груз она с мужем вынуждена пронести долгие годы. Ах, если бы знать, где тот домик пастуха, то примчались и пали в ноги, засыпали подарками. Хотя, лазутчики донесли бы, что дочь шаха слишком щедра

и любезна с рабами отца, которого не предупредила о своих посещениях. Иштувегу всё равно наказал бы, может быть, увеличил бы дань с парсов, а с рабами тоже расправился бы как-нибудь.

Так как столько чудесных странностей сопровождает сына с тех пор, когда он только ещё находился в её чреве, то, почему бы немного не изменить кое-что. И Мандана предложила мужу вот что:

– Если нашему сыну суждена великая судьба, как пророчествуют сны моего отца, значит его имя и деяния, а также кто он и откуда останутся известны для последующих поколений, и, быть может не только парсов. Станут интересоваться и рассказывать, как он рос, кто воспитывал, кто родители и почему он стал тем, кем стал. И, по-моему, то, что он вырос среди стад коров и в семье пастуха не прибавит ему солидности.

– И, что же ты предлагаешь? Скрыть правду и утверждать, что Куруш воспитан во дворце шаха? Ты призываешь меня ко лжи? Ведь ты знаешь, что для парса один из главных пороков – это ложь. И детей с младенчества приучают говорить правду!

– Любимый муж мой, я не успела высказать мысль. Не сердись. Я не призываю тебя жить во лжи, я и сама против этого. Предлагаю всего лишь кое-что изменить, а кое-что недоговаривать. Удачно то, что имя приёмной матери Спако совпадает с тем как в Манде называют собаку – спако. Слово одно, а смысла два. Если люди узнают, что наш сын чудесным образом спася, потому что его уберегла от смерти собака, вскормившая своим молоком вместе с щенятами и обогревающая малютку прохладными ночами, то решат, что он ребёнок необычный и ему покровительствуют боги. Всем известно, что собака – любимое животное Ахура Мазды.

– Кто в это поверит? Разве найдётся, кто-нибудь, кто не знает, что дети среди зверей, если и выживают, то несмотря на человеческий облик приобретают повадки зверя.

– Так то обычные дети, а наш избранный богами! Кому ещё снилось, что его внук – это виноградная лоза, разросшаяся по всей Азии?

– Мандана, ты, конечно, хитрюга, но всё же знай меру.

– Я не настаиваю, но, думаю, что Курушу всё это не повредит, а наоборот, уже при жизни выделит из смертных.

* * *

Новая местность для Куруша таила множество всякого разного. Когда ещё ехали, Куруш обратил внимание, что караван постепенно поднимается выше и выше и воздух становится свежее, нет такой изнуряющей и неотвязной жары. Куруш вырос на природе, мальчик каждый день проводил с со стадами коров и волов или с отарами овец, исходил все окрестности, знал деревья и травы, цветы и кустарники. Но здесь, кроме знакомых ему миртов и кипарисов, смоковниц и финиковых пальм, апельсиновых и лимонных деревьев, гранатов и чинар росли неизвестные доселе ветвистые тополя с серебристыми стволами, ивы с длинными и гибкими ветвями, опускающимися до земли, акации, густая крона которых была усеяна белыми гроздьями пахучих и нежных белых цветов, зрели ещё совсем маленькие зеленоватые и пока очень кислые плоды на яблонях, грушах и сливах, а ниже на пышных кустах только предстояло затвердеть пока почти мягким и ещё зелёным орехам; почти на земле среди травы краснели уже сладкие ягоды земляники. Куруш мог с ветки срывать любой, потом, когда созреет и лакомиться ягодами, и никто за это его не наказывал. Непривычно и здорово!

Иногда ехал в колеснице или верхом на красивых и сытых лошадях вместе с шахом и его небольшой свитой на прогулки, осматривал состояние созревающих полей. Камбуджия знакомил вновь обрётённого сына с владениями их рода. Куруш и раньше любил наблюдать, как ветерок пригибает колосья, тут тоже под порывами пшеница и ячмень качались, будто волны большого озера. Жители приветствовали процессию. Согнутые спины расправлялись, на миг они застывали среди созревающих бобов или у поля с просом и тут же сгибались в почтительном поклоне до земли. Лишь горные склоны и луга, где на пастбищах щипали траву отары и

стада скота, Камбуджия не показывал Курушу дабы тем самым их вид не напомнил ему прежнюю жизнь, и он не спросил о тех, кто его вырастил.

Сын пастуха раньше имел самодельный лук из сломанной ветки, вместо тетивы, стянутый веревочкой из пеньки. Ныне сын правителя должен обучаться воинскому искусству. Мальчики из зажиточных семей и семей военачальников постигали ремесло воина с пяти до двадцати лет, а Курушу уже шёл одиннадцатый, поэтому надо навёрстывать упущенные не по его вине годы. Нельзя сыну правителя быть менее ловким и умелым, чем те, кто в будущем должны ему подчиняться. Кроме воинского мастерства мальчиков приучали всегда и везде при любых обстоятельствах говорить правду. Куруша этому и учить не надо. Врать и изворачиваться не любил, ловчить никогда не стремился. Несмотря на запоздалое усвоение воинской премудрости, казалось, что у Куруша получалось быстро догнать своих сверстников. Наставления выполнял с большой готовностью и удовольствием, когда же не получалось, то упорно продолжал заниматься.

Мандана всё ещё не могла наглядеться на обрётённого сына и просила мужа, отпустить его пораньше с учений.

– Милый мой повелитель и супруг, время, отведённое для общения с матерью истекло, но ты знаешь, не моя вина, что не воспользовалась им, а мне так хочется, чтобы Куруш побыл со мной рядом.

И добросердечный Камбуджия, обожающий жену, позволял сыну уходить на женскую половину дворца к матери. Она рассказывала ему истории, ещё в детстве услышанные от Замуаши, или потом от других сказителей. Они живо обсуждали то, о чём говорилось в преданиях и частенько Куруш высказывал мнение, как бы он поступил на месте героев рассказов. Иногда Мандана давала советы, как вести хозяйство более рачительно, ведь придёт время, и он станет хозяином не только дворца, но и земли и жителей – многих родов и даже племён, поэтому должен понимать, как лучше поступать, чтобы жилось как можно большим людям хорошо. Бывало они гуляли по саду и Мандана рассказывала о растениях, мимо которых они шли. Куруш узнал, что почти каждое из растений не только красиво или питает людей, животных и птиц, но и лечит. Он об этом раньше слышал, даже видел, как Спако собирала травы и сушила, потом заваривала и поила их с Митрадатом. Но здесь было много других растений, о которых Спако и не слыхивала. Мандана говорила, что эти знания могут пригодиться, если в дальнем походе нападёт хворь, а знахаря не будет, то он сможет сам себя полечить и, может быть, помочь другим.

Раньше много раз Куруш видел, как Иштувегу вместе со Спитамом и другими родственниками и сановниками скачет мимо. Спешат на охоту. Иногда у мальчика возникало желание: вот бы с ними помчаться, выхватить настоящий лук и, прицелившись, ловко подстрелить убегающую добычу и... вдоволь поесть мяса, накормить досыта мать и отца. Но, увы, мечты долго оставались мечтами, хотя Куруш и решил, что, когда вырастит, заработает себе на коня, потом уйдёт с ним в густую чащу, подальше от владений шаха и добудет много-много дичи, чтобы не только родителям досталось, но и угостить соседей. Ныне Куруш уже неоднократно сопровождал Камбуджию с родственниками и знатными парсами, когда те ехали на охоту.

Куруш как-то спросил у Камбуджии: «Зачем охотитесь, ведь у вас вдоволь еды?»

– Охотятся не только, чтобы добыть пропитание, – объяснял мальчику шах Анчана. – В битве противник не будет стоять и ждать, когда ты в него прицелишься, и твоя стрела его пронзит. Противник постоянно движется: вперёд или назад, вправо или влево, по кругу или зигзагами. Для воина главное уметь попадать в движущуюся цель и, чтобы отрабатывать навык или не утратить его в этом очень хорошо помогает охота. И ты с нами охотишься, для тебя охота – учёба, кроме того, что ты делаешь в долине и в оврагах под приглядом лучшего лучника. Предстоит тебе ещё много познать и как оборонять, и как нападать, и, что при этом использовать. Так что охота – хороший помощник перед предстоящими битвами. Учись выслеживать

зверя, наблюдай за его повадками, думай, как его одолеть, если он сильнее тебя или изловить, если ловчей. Люди те же звери, только хитрей. Приноравливайся к разному зверю, смотри как они нападают, как спасаются и прикидывай как перехитрить. Но соблюдай меру, чтобы ненароком не перехитрить себя и остаться в проигрыше.

Куруш вспомнил, как в очередной раз мимо них с Митрадатом, когда они пасли овец, промчались всадники, спешащие в чашу, чтобы выследить тигра. Мальчик спросил у отца, хотел бы и он вот так поехать и гнаться за опасным, сильным и ловким зверем? Митрадат некоторое время помолчал, глядя в след всадникам, глубоко вздохнул и тихо, как-то обречённо произнёс: «Не наше это дело, сынок». И Курушу хотелось, чтобы Митрадат увидел его на лошади и с луком среди знатных всадников. Мальчик был уверен, что приёмному отцу понравилось бы, что его мечта, пока ещё одна, уже исполнилась.

Куруш скучал не только по Митрадату и Спако, но по Дарбар, соседке, с которой играл с малолетства. Их домишки стояли в селении на окраине, друг к другу ближе, чем другие. Дарбар, самая младшая в семье ещё, когда не умела ходить заползала на огород к соседям и Курош, старше её на год, ковылял по рыхлой земле, усаживался рядом, и они играли. Потом, когда подрос, стал больше играть с мальчишками, а когда такой возможности не было, Куруш и Дарбар убегали в ближний лесок и играли вдоль ручья, пуская разной величины щепочки, следили и спорили, как и куда их унесёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.